

ПРЕДСТАВЬТЕ себе, что на афише, оповещающей об очередной театральной премьере, вы прочли название своего любимого романа: оказывается, он «перенесен» на сцену. Такие случаи бываю нередко, если вы любите театр, вам, наверное, захочется посмотреть этот спектакль. Однако вот что применительно: к предстоящей встрече большинство из нас — в данном случае я рассуждаю с точки зрения зрителя — относится не просто с интересом, но с особым волнением, а иногда даже с некоторой опаской. Давно знакомые литературные герои — как-то они выглядят на подмостках? Сумел ли театр передать все обаяние книги, пленившей, быть может, не одно поколение читателей? Что ж, эти опасения не удивительны — инсценировка и в самом деле жанр сложный, требующий от театра очень бережного подхода.

Мне вспоминается один исторический эпизод. Как-то Николай I предложил Пушкину переложить трагедию «Борис Годунов» в исторический роман в духе Вальтера Скотта. Конечно, для нас этот факт выглядит анекдотично — «советовать» подобное гениальному поэту мог только закоренелый солдафон. Понятно негодование Пушкина, когда он заметил в ответ, что произведение, рожденное как трагедия, не может быть переложено в повествовательную форму. Но в таком случае мы обязаны спросить себя: а может ли произведение, написанное в форме повести или романа, убедительно прозвучать со сцены?

Надо сказать, что сегодня это очень важный вопрос. Ибо в нашей практике инсценировка приобретает все больший удельный вес. Театры охотно обращаются к произведениям «большой» литературы, как классической, так и современной. Потому ли это происходит, что хорошие романы и повести появляются на свет все-таки чаще, чем хорошие пьесы? А может быть, причину следует искать глубже? Ведь случается, что инсценировка становится одним из наиболее приметных событий сезона. Вот и попробуем разобраться, насколько закономерно ее место в репертуаре нашего театра, какое значение приобретает этот жанр в развитии советского сценического искусства, что прекрасное несет он с собой.

Надо сказать, что на русской сцене испокон веку подвергались театрализации многие выдающиеся произведения литературы. И постоянно шел спор об инсценировке, о праве «переноса»

повествовательных жанров в действенный мир театра. Страсти приверженцев и противников инсценировки сегодня заметно приутихли. Каждому ясно, что основная магистраль, по которой идет развитие сценического искусства, — это драматургия. Вместе с тем сейчас, когда наш театр особенно настойчиво стремится исследовать самые глубокие пласты человеческой жизни, репертуар не только может, но даже должен пополняться и за счет других источников. Больше того, мы знаем, что проза не раз становилась крепким подспорьем театров в репертуарных поисках, не раз питала их своими идеями и образами. Напомню, к примеру, «Чапае-

ти, в отечественной литературе есть романы, обладающие подобными кульминационными моментами. Сошлюсь, к примеру, на произведения Достоевского, скажем, на великолепную инсценировку «Села Степанчиково» К. С. Станиславским и Вл. И. Немировичем-Данченко на сцене МХАТа. И все же любой роман или повесть в интерпретации театра терпят несомненные убытки. Они теряют обычно и в полноте содержания, и в богатстве и многогранности характеров, широте и глубине авторских раздумий. Не надо забывать, что автор инсценировки всегда зажат рамками сценического времени — вместить объемное произведение в двух, от силы трехчасовой

волюционного народа. Вот и получается, что если этот образ уйдет со сцены, потеря окажется невосполнимой. Инсценировка превратится в калейдоскоп эпизодов, в движущуюся иллюстрацию к роману и потерпит крушение.

Следовательно, успех или неуспех нашей инсценировки, ее художественная сила и выразительность, современность звучания зависят в первую очередь от точности, от конкретной направленности ее идейных позиций. Только таким образом — найдя конкретный социальный адрес — мы можем ответить на вопрос, поставленный нами вначале.

Сам я ставил инсценировки редко. Но, признаюсь, на мою долю выпал один из немногих в истории театра счастливых случаев — я имел дело с инсценировкой романа, которая вышла на сцену без малейшего ущерба. Это были два самостоятельных произведения одного и того же писателя — М. Булгакова, переработавшего свой роман «Белая гвардия» в замечательную пьесу «Дни Турбиных». Трудно сказать, какое из них значительнее. Конечно, я не берусь давать оценку спектаклю, подготовленному мною во МХАТе. И все-таки, ставя его, я постоянно обращался к первоисточнику — к роману, тщательно изучая позиции автора.

В наши дни, когда выразительные средства театра значительно расширились, мы часто встречаемся с удачными инсценировками. В их создании играет заметную роль, например, широко применяемая сейчас форма так называемого внутреннего монолога — когда актер говорит со сцены то, о чем думает его герой. Тем полнее и откровеннее раскрываются характеры, тем насыщенные и ярче становится образ спектакля. Блистательным примером такой точности «попадания», идейного и художественного, служит, на мой взгляд, спектакль по повести Б. Васильева «А зори здесь тихие...», инсценированной Ю. Любимовым и Б. Глаголиным.

Когда-то, проводя труднейший эксперимент по инсценировке «Братьев Карамазовых», Вл. И. Немирович-Данченко назвал эту работу «...колоссальной, бескровной революцией...», открывшей путь к театру крупнейшим литературным талантам. В самом факте сценического воплощения романа великий режиссер увидел прежде всего новое расширение границ театрального искусства. И радуется, что обогащающий и театр, и зрителя жанр инсценировки сегодня все более прочно утверждается на нашей сцене.

Веч. Москва, 1943, 157X

СЦЕНА, ОТДАННАЯ ГЕРОЯМ КНИГ

Сегодняшнюю вечернюю беседу ведет народный артист
РСФСР Л. ВАРПАХОВСКИЙ.

ва», «Виринею», «Мятеж», «Разгром», «Бронепоезд 14—69» и другие произведения, ставшие классическими. Инсценированные многими театрами страны, идущие часто и по сей день, именно эти революционные вещи сыграли большую роль в становлении новых героико-романтических традиций молодого советского театра.

Правда, законы драмы и литературы повествовательной — будь то проза или поэзия — слишком различны. Далеко не каждый, даже типичный литературный характер может стать в центре драмы, не всякий жизненный конфликт может дать движение драматическому действию. Театр требует такого конфликта, который смог бы породить драматическую коллизию, то есть стал бы переломным событием в жизни героев, полностью раскрывающим их характеры. Кста-

спектакль без потерь попросту невозможно. Вот тогда-то перед инсценировщиком (и драматургом, и театром) встает самый насущный вопрос: какая линия романа должна стать главной в сценическом воплощении, что следует отсечь, от чего отказаться, а что оставить на чем акцентировать внимание?

Скажем, театр решил поставить «Хожение по мукам» А. Толстого. Имеет ли он право выбрать из всей необъятности литературного материала историю взаимоотношений четырех главных героев? Бесспорно. Но при этом необходимо, чтобы в спектакле сохранилась прочная и живая связь с конкретной идейно-художественной тканью романа. А ведь суть его состоит в необычайно емком рассказе о целой эпохе, в раскрытии образа ре-